

Мне без мамы тяжело говорить,
Оборвалась пуповинная нить.
Бьют осколки... Недолёт... Перелёт...
Это мама мне солгать не даёт.

Мне без мамы эти травы топтать,
И без мамы мне её понимать,
Хоть без мамы я не чую земли,
Будто горем мне подошвы сожгли.

Мама видится росинкой в цветке,
Огонёчком, что мелькнул вдалеке,
Причитаем: «Наглядеться бы впрок...
Не спеши ко мне подольше, сынок!..»

* * *

Русский – прилагательное, слышали?
То, что прилагается к добру,
К радуге над мокнущими крышами,
Без которой вздрогну и умру.

Русский – прилагательное... Тихое...
На вопрос отвечает: «Какой?»
И кружатся аист с аистихою,
И над храмом лучик золотой.

Русский – прилагательное... Чуткое...
Что не знает каменных палат,
Но всегда соседствует с побудкою,
Если вдруг тревогу протрубят.

Русский – прилагательное... Странности
Всех грамматик мира одолев,
Русские давно привыкли к данности:
Кровь за кровь, но песню – нараспев.

Не дождавшись божьего пришествия,
Не страшась, что ворог зол и лют,
Эти «прилагательные» шествуют,
Женщин любят, плачут и поют...

Недругам – всегда падеж винительный,
И ломоть последний – для своих.
Ничего не знаю существительной
Этих «прилагательных» родных.

* * *

Всё бrenно и всё мгновенно,
Нам вечности не продлят.

Из вечного – взгляд и пена,
Но всё-таки лучше взгляд.

Он чьей-то души осколок,
Взгляд, брошенный из-под век.
Пусть злобен и пусть недолог,
Он глаз твоих не избег.

Взглянувший, с походкой лисьей,
К чужому несчастью – слеп.
Из бrenного – хлеб да листья,
Но всё-таки лучше хлеб.

Пусть корочкой смехотворной,
Пусть крошками, пусть трухой.
От чёрного горя – чёрный,
От ржавой муки – сухой.

В кармане потёртой свитки
Нашарить его успеть...
Из сущего – смерть и пытка,
Но всё-таки лучше смерть.

И пусть золотые зори
На брызги дробит роса.
Memento... Memento mori...
И звёздная пыль в глаза.

* * *

Ветер выл... Из окон сильно дуло.
Босиком... По лужам... Через грязь.
Незаметно детство промелькнуло,
Ну а следом юность пронеслась.

Тихо жил... Грешил не много вроде.
То любовь... То книжки... То дела.
Всё страшился – молодость проходит,
А уже и зрелость отошла.

И лицо у женщины не рдеет,
Если в лифте встретится со мной...
Мне всю жизнь казалось, что согреет
Родина и стужей ледяной.

Что не может Родина по-волчьи
Поднимать отступников на щит.
Мне казалось – Родина и молча
Говорит со мною, говорит...

А теперь всё спуталось навеки,
Глаз влажнеет, прошлое двоя.
И любимой вздрогнувшие веки —
Это нынче Родина моя.

* * *

Неужели нам вновь пригнуться завещано,
Вспомнив строки,

что в память вошли навсегда:

«А ты помнишь, Алёша,

дороги Смоленщины?..»

Ну а дальше по тексту, совсем, как тогда...

Неужели же снова дороженька узкая
Приведёт к полотну посреди суеты,
Чтоб шептать:

«По бокам-то всё косточки русские...»

Про Некрасова, Ванечка, знаешь ли ты?

Что ты скажешь,

когда перелеском, пригорками

С автоматом зимою пойдёшь

сквозь снега?

А «Катюшу» ты слышал?..

А слышал про Тёркина?

А ты знал, что «до смерти четыре шага»?

Пожалею тебя —

не спрошу про Русланову,

И какие тут «Валенки»? Валенки нет!

Вам придётся всё это осваивать заново,

Только вот не пришлют вам из тыла кисет.

Вновь оставит снаряд

в колокленке трещину,

Вновь обрушится небо, живое губя...

Это, Ванечка, Русь... И какая-то женщина

Всё равно, глядя вслед, перекрестит тебя.

* * *

День клонился к печали,

К неизбывной вине.

Птицы долго кричали

На другой стороне.

Замирали... И снова

Из прогорклой дали

Тяжело и сурово
Крики длинные шли.

Понимал я едва ли,
Что творится со мной.
Птицы долго кричали,
Я прошёл стороной.

Эти длинные крики,
Эта гулкая тишь,
Где с листком повилики
У моста постоишь.

А потом, на вокзале,
Вспомнишь с болью вдвойне —
Птицы долго кричали
На другой стороне.

И прорежется что-то
Сквозь годов забытё.
Вспомнишь старое фото,
Вспомнишь имя своё...

А всего лишь вначале,
Жизнь напомнив вчерне,
Птицы долго кричали
На другой стороне.

* * *

Принимаю нынче неумело
Каждый шаг торопкий, каждый звук—
Вдруг душонка выпадет из тела,
И кепчонка выпадет из рук.

Принимаю нынче осторожно,
Не надеясь вызвать интерес,
Женщину с кошёлкою дорожной,
Старика с тоской наперевес...

И бреду, не ведая дороги,
Посреди вселенской тишины,
Не туда, куда стремятся ноги,
А туда, где звёзды не видны.

Чтобы у последнего предела,
Возле скосбочившихся ив,
Вдруг звезда случайно не слетела,
Напоследок светом поманив.

ПАРАД 1939 ГОДА

22 сентября 1939 года в Бресте состоялось совместное прохождение немецких частей под командованием генерала Г. Гудериана и частей Красной Армии, которыми командовал комбриг Семён Кривошеин, впоследствии генерал-лейтенант, Герой Советского Союза. «Парад» был посвящён передаче города советской стороне.

Сентябрьский Брест ликованьем овеян,
Немножечко страшен, немножечко пьян.
Трибуна... Нахмурен Семён Кривошеин,
Нахмурен напыщенный Гудериан.

О чём говорят они — так, для порядка?
Жмут руки и вежливо честь отдают...
Ещё они встретятся в танковых схватках,
И очень нескоро победный салют.

Ещё и не знает комбриг Кривошеин
Ближайших сородичей скорой судьбы.
А танки идут... И, грозою навеян,
Жжёт ветер осенний наивные лбы.

А немец стоит на трибуне-временке,
И думает, щуря нордический глаз,
Как будут гореть эти русские танки,
Когда он отдаст настоящий приказ...

Когда он пристрелит еврея-комкора,
Посмевшего руку арийцу пожать...
Два года ещё до большого позора,
И три — пока немцы покатыются вспять.

Когда будет небо, победно и рдяно,
На землю стекать, как хмельное вино,
Горящими танками Гудериана
И в полночь беззвёздную озарено.

Пока же парад... Воевать ещё рано.
И снова комбриг, понимая обман,
Жмёт руку чванливого Гудериана
И честь отдаёт ему Гудериан.

* * *

*Ночь, улица, фонарь, аптека...
Александр Блок*

Дважды, трижды в ту же реку,
Прошлое огромяю.
Помню улицу, аптеку,
Фонаря не помню.

Всё-то в памяти короткой
Марьи да Иваны.
Помню очередь за водкой,
Но не помню пьяных.

И ясней с годами вижу
Лишь добро да милость.
Помню, как латали крышу,
Как текла — забылось.

Годы быстро пролетели,
Все углы излазил.
Помню белые метели,
Но не помню грязи.

Видно, помнить не зазорно
В мире очумелом
Вместо белого на чёрном —
Чёрное на белом.

* * *

Этот свет, этот голос тревожный,
Груз, который не сбросишь никак.
Что за грохот?.. То поезд порожний —
Вечно с грохотом мчит товарняк.

А гружёные ходят степенно,
Неторопоко идут, без затей.
От натуги вздуваются вены
Утомлённо гудящих путей.

Паровозы, что нынче в простое,
Повторяют: «Хоть наше ушло,
Много грохота — значит, пустое,
Не до звона, когда тяжело!»

И всё смотрят глазами пустыми,
Как заря обращается в шлак:
«Протащить бы, в мазуте и дыме,
Хоть платформочку, хоть порожняк!..»

* * *

Забылось... Ушло... Отгорело...
Остались лишь ветер и Бог,
Да Родины белое тело,
Да чёрная музыка строк.

Чем сердце становится старше,
Тем, боль выводя за предел,

